

ЦАРЕВНА СВЕТЛАНА

Поверите вы мне или нет, то ваша забота, а моя речь вот:

В то далёкое время, когда ещё в младенчестве пребывали ныне уже седые века, из бездонных глубин Океана поднялся остров. У подножия горы, венчавшей новоявленную сушу, среди вострых скал и катаных валунов лежал Бел-горюч камень по прозванию Алатырь. Малой частицей вышел он из-под земли и своей белизной дивил свет. Легенда гласит: кто найдёт сей камень, являющийся основой всех основ, прикоснётся к нему, тот преисполнен будет силой волшебной — что ни загадает, всё исполнится. Прозвали в миру ту землю — остров Буян.

Тяжело кораблям подходить к острову — камни да скалы вокруг. Вода кипит между камней подводных, в белую пену волна обращается, непрошенных гостей к себе не пускает. Но с божьего извола нашёл человек прибежище корабельное. Отвоевал у моря сушу, распахан землю, да засеял. Народ стал множиться на благодатной земле, а земля та щедра и богата на урожай: колосится в полях рожь золотая, гуляют по лугам стада тучные, дичь в лесах не переводится, рыба в неводе у рыбаков плещется. Живи да радуйся свету белому! Вот и вырос на острове град, сплошь из белого камня выведен. Ясным днём издалече видится, будто бела лебедь по морю плывёт, взгляд ласкает, завораживает. И правил тем городом-государством царь Довмонт. Богатством и великодушием славился сей правитель. Амбары его всегда полны зерном, а сундуки золотом и камнями дорогими. Народ в шелках-бархате ходит с уважением прославляя за доброту и щедрость государя своего. Со многими странами пребывал в хлебе и соли, в честной сделке торг вёл, корабли снаряжал с товарами в походы дальние, но к себе ни купцов, ни каких либо инородцев не допускал. А была тому причина, и вот какая:

Женился царь Довмонт на дочери Морского царя, седого волнителя моря, чьи владения не кончаются за окоёмом, а простираются далеко за пределы Ойкумены. Породнились владыки и зажили два царства в дружбе и совершенном согласии.

Хороша супруга у царя, красотой своей взгляд радует, гортанью в меру речиста, супротив слова не вымолвит, а если что говорит, то мёдом в уши ложиться. Рачительной хозяйкой вошла она в палаты государевы, всякий день учтиво спрашивала, да советовалась обо всём увиденном да узнанном. Миром и радостью наполнила лета Довмонта, а лета те не малые. И не бесплодным оказался их союз, родилась у супругов дочь. И до чего красавица вышла, ну право диво-дивное, чудо-чудное родителям на славу, молодцам добрым на загляденье — чистым ликом свет дневной затмевает, ночью землю освещает, на затылке месяц ясный, а во лбу солнце красное. Нарекли дочку светлоликую именем — Светлана. Праздник по всему царству-государству. Царь Довмонт на угощения не поскупился, отворил все подвалы и кладовые. Разослал во все концы гонцов с приглашением на пир в честь рождения дочери. Стали съезжаться со всего света купцы богатые да князья знатные. У пристани корабли пузатые толпятся, друг о дружку трутся боками красными, — промеж них мостки проложены. Море будто уснуло, застыло словно холодец на столе праздничном, ни ряби, ни волнения.

Но недолго сердце родительское ликовало, покинула вскоре беспечная улыбка чело Довмонта. Печалью и слезами обернулось веселие. Горем сменилась безмятежная жизнь на острове. Пришло из-за моря моровое поветрие. Завезли, невзначай, гости смерть чёрную. Мор пошёл по острову, так и косит людей косою вострой и в чёрной избе, и светлой гриднице, невзирая на возраст и звания. Похоронный звон над землёй плывёт, дым от смрадных кострищ туманом ядовитым стелется. Захворала царица, занедужила. Вечеру слегла от немоги да уже не встала к утренней зореньке. Схоронили царицу-матушку под высокой горою, где студенец-родник слезой девственной бежит из-под Бел-камушка. Сменилось веселье трауром. Печать горя на уста легла.

Смолкли птицы в лугах и дубравах, неслышно журчания родника под горою. Вострубили гонцы царский указ: запретить иноземным кораблям к острову приближаться.

Росла царевна в тереме девичьем, окружённая отцовской любовью и заботой. Случилась её кормилице быть не из простых, а урождённой, как мать царица, в море. Своих детей имела добрых молодцев, богатырей, что стерегли с дядькой Черномором чертоги острова. И было братьев тридцать два, все великаны, сильники. Последнего по счёту, тридцать третьего, вынашивала во чреве, как следом за царицей в тот же день и час произвела на свет. Грудь были у неё добры и материнским молоком полны. Вскормила она царскую дочь, не в ущерб сынка своего.

Дни проходили за днями, текли как сквозь пальцы песок. Солнце встанет, день настанет, солнце за гору зайдёт – вечер под гору идёт, ночь за рученьку ведёт.

Семнадцать лет минуло, а оглянешься, будто вчера стоял под венцом царь батюшка, серебро раздавал пригоршнями. Выросла дочка, расцвела, как цветок по весне. В полный возраст вошла, впору молодцам ночами сниться. Но закрыты сердечные врата. Не о том думы её, не тревожат сердечных струн взгляды молодцев, много хороших да милого нет. Отрезан остров от мира не токмо океаном, но и царским указом. Дни проходят в рукоделиях, чтении книг да богословских учениях в коих царевна превзошла учителей. В часы досуга весь царский двор вместе с челядью забавляется песнями да танцами скоморошьими. А вечерами в сумерках, под лиловые тени в углах, садились в круг всем двором, дабы улаживать слух былинными повествованиями от певцов сказителей. Ну, а куда деваться от сказок, льющихся из уст любимых нянюшек, дивными словесами ткущих скань волшебного повествования. Так дней и проходила череда.

Златокудрое солнце проснулось и, умывшись лазурной волной, воссияло на царственном троне. В тереме у окошка косивчатого царевна сидит, вплетает лучи златокудрого в свои волосы русые. Чу! Встрепенулась. Долонь ко лбу приложила — с прищуром на море смотрит. А там наполненный ветром парус, белою птицей парит в дымке пены морской.

Дозорные поспешают к Довмонту с докладом — видано ли дело — нарушение царского запрета. Поначалу в гневе сдвинул брови царь, но вдруг остудился. Мнится ему — стар он уже, и тело его, увы, одряхлело. Кто сядет на трон? Дочка в невестах, а где же жених? Лощмана в море шлёт с наказом: привести в гавань корабль. Вот вскоре неведомый гость, с огненно-медными волосами, входит в палаты. Выражая словами любовь, благодарность, преподносит дары. И в ноги свалившись, вдруг просит руки царской дочери, царевны Светланы. Увидев богатство его приношений, сравнимой лишь с щедростью князя, царь подобрел. Не чуя подвоха в льстивых словах, стал в душе помышлять о зяте богатом и знатном.

Не глянулся иноземец царевне Светлане: не увидела в лике меднобородом добросердечности, искры душевной. В пылающем огне лице узрела холод бездонных глубин непроглядного мрака. Нету во взгляде любви: глазами он плачет, душою смеётся, прячет облыжные мысли под густыми бровями. Богатый годами батюшка царь стал зрением скудел, не узрел в госте зелёного ока зверя.

Вечеру поделилась дочь с отцом тревогой. «Присмотрись, под маской праведника скрывается личина лукавого. Остерегись иноземца коварного, он речами лишь лживыми проторил к твоему простодушному сердцу дорогу. Не дай себя обморочить богатыми посулами!». Но отец сердобольный не видит в госте изъяна, и дочь утешает, пророча гостя в супруги.

Терзаемая горем направились царевна к месту, где схоронена мать. Подходит к реке, что начало берёт в недрах горных и, узрев чёлн на том берегу кличет:

— Ой, еси вы мои, перевозчики!	К родной матери, к роду племени,
Перевезите меня на ту сторону,	Вы возьмите с меня злато-серебра,
На ту сторону к родной к матери.	Злато-серебра сколько хочется.

Услыхал перевозчик подплыл к её берегу. Угрюм ликом он, глаза за тяжёлыми бровями скрыты. Сажает в чёлн и в молчании с берега на берег везёт. Снимает девица с груди скатный жемчуг, в уплату его отдаёт за перевоз.

Направилась Светлана к горе, ступает ноженькой с камня на камень, не боится спотыкнуться. Встаёт перед ней гора высокая, скалой острой в небо упирается. Как идти дальше, куда ноженькой вступить неведомо. Солнце за горою златокудрый лик свой прячет, вот-вот каменной грядой укроется. Лежит средь валунов чёрных, камень белый и свет излучает. Присела на краешек девица закручинилась. Причитает о горе своём, о разлуке с матерью, а слёзы на камень капают и пеной белой вскипают.

Тьма из-за расщелин скалы выползла, всё окрест дёгтем густым вымарала. Темно. Лишь светится, словно лампадка в ночи горит, Кипень-камень. Дева юная на нём сидит, молится. Разверзлась твердь земная, вышла к ней мать, встала пред дочерью в скорбном молчании.

— Матушка оставь меня при себе. Не вели пускать на волю. Не в радость мне белый свет. Приехал басурман проклятый, жаждет надомной, над девицей надсмехаться, да надругаться над моим телом! Батенька родной обнищал духом, не зрит в нём врага, беды ни чём не ведаёт.— Взмолилась царевна, руки к матери тянет. Разомкнула мать уста печалью скованные:

— Не пришла пора твоя, со мной бок о бок лежать, всему своё время! Не торопи ход солнца ясного, но и не страшись безвременья*, страшись бесчестия! Храня достоинство и честь полную меру счастья обретёшь. Токмо не отравляй красотою тела души своей, ибо краса твоя так велика, что не только счастьем одарит, но и горя немало доставит — прими с покорностью свой жребий. Твори в миру добро — добром воздастся! Борись не за себя, о друге проявляй заботу! Пусть всё случится вовремя и к месту! О встрече нашей до времени забудь.

Провела мать рукой по накипи, что от слёз на камне остались, и той же ладонью умыла лицо дочери. И стал её лик ещё белее и краше, и силой волшебной девица овладела, ибо камень, на котором сидела, был Алатырь камень. На том и простились.

Вернувшись домой царевна опочивать легла, а когда очи открыла уже и полдень в окно заглядывает. Смотрит девица по углам спальни в полном недоумении, не поймёт спросонья: в ночных грёзах ей мать привиделась, али на яву с родительницей беседу вела. Порешила, опосля раздумья, всё за сон принять. Смыв с чела остатки сна холодной водицей, во двор спустилась из терема. А там слуги расторопные вовсю снуют; несут на кухню дичи разной, что гости на охоте набили. Видит в корзине ивовой сидит лебедь стрелой раненый, в небо зрит, а у самого из глаз слезы катятся: там, на воле его вторая половинка кружит с криками. Пожалела царевна Светлана лебедя, повелела к себе отнесть. Свежею водою напоила, а на рану целительное зелье наложила. И услышав от птицы человеческую речь, не удивилась, выслушала с достойным вниманием всё то, что поведал лебедь в благодарность. Раскрыл он тайную причину появления гостей заморских.

«Из года в год, как повелось в природе, на остров прилетают стада диких уток. На здешних водах благоденствуют они в тепле, пока в родных местах лютует холод. Случайно глупые утицы подглядели, как юная Светлана купается в озёрных водах, сбросив одежду на травы. И до того красотою поразились, что в своём северном крае, восхищением делились со всеми, как колокол медный звонит по округе – всем слышно. Так в миру и прознали о прекрасной царевне. Слух тот дошёл до медного царства, там правил Кошун, злой чародей. Вот он, обернувшись князем богатым, свататься прибыл. Брак с царевной лишь средство захвата на острове власти, где Бел-камень лежит — Алатырь. Власти алкает Кошун-чернокнижник».

Поутру, лебедя отпустив на свободу, к отцу поспешила царевна. Повела всё что узнала, все, что случилось с ней, обо всём рассказала.

Преисполненный тревогой дочери, государь отказал гостю и, забыв слова льстивые, не без досады и горечи, приказал вернуть богатые подношения. Взъярился пришлец из медного царства, обернулся в сей миг птицей коршуном, закинул царевну на спину и взмыл высоко в небеса. С каждым взмахом крыла вырастал он в размерах и достиг таких величин небывалых, что тенью от крыльев затмил стольный город. Благословенный край в чреду холмов пустынных превратился. Лишь дуб, неподвластный ни силам природы, ни чарам лихим, одиноко остался стоять на холме. Подобное свершив кошунство, отправился злой чародей в чертоги свои.

Долго ли, коротко ли нёс коршун царевну, нам не ведомо, но у всякой дороги бывает конец. Прилетели они в медное царство, кощуново государство. А там уж ждут господина с невестой, от брашен столы ломаются. Однако напрасны оказались все чаяния слуг господских. Не за стол свадебный посадил чародей невесту, а затворил девицу в башне высокой. Нет ступеней, подняться к ней, ни двери, чтоб выйти из мрачной темницы. Лишь слышит далече внизу шум прибоя, луч солнца, с которым дружила и часто вступала в игру, стороною обходит, серебряных ликом луны не видать в сером мраке. Узелочек со снедью ворон, страж суровый, в малое оконце, ей носит. Сидеть суждено до скончания века, либо стать женой супостата.

День томится царевна в башне, второй в печали света не видит, третий в неведение душу изводит. Бродит по каменным плитам царевна, соломы клочок постелью ей служит. И вдруг узрела в углу своей кельи образ матери. Бросилась к ней, пыталась обнять, но, увы, нет в призраке плоти. Напомнила мать о последней встрече, раскрыла ей тайну волшебного камня, — у того, кто коснётся его, хоть случайно, будут исполнены все желанья, — что не задумает, вмиг то свершится. Способности эти ей стали доступны, ибо к камню она прикоснулась. Но недолго велась их беседа, близкий рассвет за окном прервал разговор.

Не успела заря-зареница расстелить свои алые полотна по всему окоёму, как из башни высокой, сквозь узкую щель, слетел луговой мотылёк и подхваченный ветром стал парить над волнами. Ворон стражник, не найдя полонянки в темнице, доложил господину. Узнав о побеге тот в погоню пустился, обратившись для скорости птицей стрижом. Заметался охотником над волнами в поисках пестрокрылой козявки. И поднявшись к небу, узрел зорким взглядом царевну, тотчас крылья сложив, камнем ринулся вниз. Вмиг обернулась царевна волной, отразив нападение стеною текучей. С криком коснувшись крылами о море, сделался ветром он буйным и волны на скалы погнал, дабы разбить о камни непокорную деву земную.

Но не близка земля; не слышать, не видать, где камень с волною встречаются. Гуляет ветер с волны на волну, вода из волны в волну переливается. Бочка одинокая среди волн плывёт, блуждает над бездной. То на гребень взметнётся, к небесам уповая, то в пучину низвергнется меж свинцовых валов. И слышен волнам зов печальный: «Ты волна моя волна, Ты гульлива и вольна. Не губи ты нашу душу. Выплесни ты нас на сушу!» Услыхала их волна, пожалела; видно кто-то горе терпит, просит помощи. Подхватила бочку и на берег родной с тихим всплеском вынесла. Вышли на свет божий пленники узилища тесного, что запечатаны были в бочке людьми подлыми. Вышли, сын царя Салтана с матушкой, и поклоном низким землю встретили. Увидала Светлана молодца и в раз сердце её обмерло, и впитало в себя, как цветок утренние лучи солнца, первые, незнакомые, но такие желанные чувства любви. Видать взаправду говорится — «Любовь с очей начинается», «Кто глянется к тому и сердце тянется». И волной хотела плескаться у берега, рассыпаясь в песке яхонтами да изумрудами, да увидев, как царевич отправился вглубь острова к росшему дубу, обратилась птицей лебедем, и вдогонку за ним уж полетела.

В это время Кошун облетев остров вернулся к разбитой бочке и узнал в белой лебеди царевну Светлану. Обратился колдун коршуном страшным, заграил* дико и напал на беззащитную птицу. От отчаяния закричала лебедь. Услыхал Царевич крики о помощи, наострил стрелу с наконечником из материнской пряжки серебряной и стрельнул из лука в коршуна. Утонул коршун в море, с его смертью и чары над островом ветер развеял. Но робка царевна, душой стеснительна и в первую встречу не раскрылась, не обратилась девицей, честью своей не поступилась.

Ну, а что дальше было о том Александр Сергеевич вам своим слогом поведаёт ...

*безвременье – несчастье

*заграил - захохотал

